

I. ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94: 331: 622.342 (571.1)

И.А. Новиков

АРТЕЛЬНЫЙ СТАРОСТА И АРТЕЛЬНАЯ РАСПРАВА В СИБИРСКОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ

Анализируется отражение структуры рабочего коллектива в источниках по сибирской золотопромышленности XIX – начала XX в. Исследуется проблема разграничения артельного типа самоорганизации от принудительно организованных объединений. Подчеркивается противоречивость понимания артели в отечественном законодательстве и историографии.

Ключевые слова: артель, организация труда, самоорганизация, золотопромышленность.

Несмотря на большой массив отечественной литературы по истории рабочего класса и традиций коллективного труда, нельзя признать эту тему исчерпанной. До сих пор не изученным остаётся «основной элемент, организовавший труд и быт рабочих дореволюционной России, – артели» [1. С. 7]. Думается, что не в последнюю очередь это связано с весьма расплывчатым пониманием самого слова «артель». В большинстве случаев имеет место простое использование слова в «народной» трактовке, когда под артелью понимается просто коллектив, в который объединяются люди для достижения общей цели. Такое определение практически ничего не даёт для понимания артели как социокультурного феномена. Мы уже анализировали многообразие трактовок и противоречивость понимания артели в отечественном законодательстве и литературе [2–5]. Осветить ещё один ракурс этого вопроса призвана и настоящая статья.

Понятно, что внутренняя организация артели в различных отраслях народного хозяйства имела свои особенности, «зависела от сложности, масштаба, длительности самого промысла, от степени его интеграции в капиталистические отношения» [6. С. 244]. Но это не принципиально при анализе типического случая – структур, которые выполняли организационно-регулирующие функции рабочего коллектива. Эти элементы важно рассмотреть ещё и потому, что во встречаемых в источниках упоминаниях об артелях часто речь идёт не столько о самом самоорганизованном сообществе,

сколько о его представителях (к тому же именно с ними непосредственно контактировал работодатель, а эти отношения в первую очередь и освещало законодательство).

Насколько верно отождествление сообщений об «артельном старосте» и «артельной расправе» в литературе с сообщениями об артельных союзах, есть смысл рассмотреть более подробно на примере коллективов рабочих в сибирской золотопромышленности, по которым есть богатый материал, в том числе в классическом труде по этой теме – двухтомнике В.И. Семевского «Рабочие на сибирских золотых промыслах» (СПб., 1898).

Структура внутреннего управления в рабочих коллективах на приисках почти с самого начала золотого промысла была зафиксирована Положением о частной золотопромышленности на казённых землях в Сибири от 30 апреля 1838 г. В нём указано: «§54. Для сохранения внутреннего порядка между рабочими и для большего удобнейшего производства самих работ дозволяется хозяину разделять своих рабочих на новые артели. В каждую таковую артель промышленник назначает от себя старосту, а рабочие с своей стороны двух выборных. § 55. Артельной расправе сей, с ведома промышленника или его приказчика, предоставляется право умеренного домашнего исправления рабочих, артель составляющих» [7. С. 400].

И хотя здесь везде упоминаются «артельные» наименования, речь идёт вовсе не о рабочей самоорганизации. Ст. 54 говорит сама за себя: из всей

массы нанявшихся на приисковые работы (в том числе и из уже прибывших на прииск «артелей») работодатель мог самовольно составлять другие коллективы, отчего и признание последних артелями вызывает определённые вопросы. То же – в силу их предписанной обязательности – относится и к этим «первоначальным» «артелям»: «§ 50. Если из одного селения, волости или города нанято несколько человек, то вменяется им в обязанность отправляться на места работ артелями с самого места их жительства, поставив над собою в каждой артели одного старосту, с двумя или более помощниками, на весь путь, для сохранения порядка, и вручая ему свои паспорта, с круговой порукою в неотлучке от артели и должном ему повиновении. § 51. Артельный староста властен не только укрощать, но по совещании с помощниками и наказывать всякое буйство наёмника, принадлежащего к его артели, применяясь к § 55» [7].

Показательно, что в данном случае «артельность» группы рабочих, следующих на промысел, самим законодателем прямо соотносится с коллективом, создаваемым приисковым управлением уже на месте работ. Любопытно, что В.И. Семевский, пересказывая цитируемую выше ст. 54, в одном месте приводит этот текст дословно, а в другом – указывает на возможность разделять рабочих просто «на артели», а не на «новые артели» [8. Т. I. С. 53 и LX соответственно]. Либо здесь оговорка-опечатка, либо же историк верно подметил, что в данном случае имелись в виду не собственно артели, а просто группы рабочих, а потому указание на «новые» или «старые» не суть важно. Но даже если он оговорился, факты составления «новых артелей» работодателем действительно были, и на этот момент обращалось внимание уже в середине XIX в. [9. С. 173, 175].

В 1860-х гг. в контрактах еще упоминались «артельные расправы» [10]. В Правилах о найме рабочих на Сибирские золотые промыслы 24 мая (5 июня) 1870 г. речь о них уже не шла: «10. Для сохранения внутреннего порядка между рабочими и для удобнейшего производства самих работ дозволяется каждому золотопромышленнику разделять своих рабочих на рабочие партии. В каждую таковую партию промышленник назначает от себя старосту, а рабочие, с своей стороны, двух выборных, которые вместе со старостой составляют партию расправу. 11. Означенной (ст. 10) расправе предоставляется подвергать рабочих, по

словесному приговору, за маловажные проступки, денежным взысканиям до трёх рублей, или аресту до семи дней, или наказанию розгами до 20 ударов» [11. С. 689–690; 12. ст. 10-12; 13. ст. 672–674]. Перемена разительная, если учесть, что «артель» исчезла из законодательства о золотопромышленности лишь в этом конкретном месте, но присутствовала там же в иных случаях.

Эволюция лексики законодателя относительно старосты и рабочей «партии/артели» может быть объяснена стремлением «очиститься» от архаизмов и наиболее точно кодифицировать реальное положение дел на капиталистическом производстве, где для «артели» уже не было места ни по стилистическим, ни по фактическим причинам. Артельная традиция, являясь сложным социокультурным явлением доиндустриальной эпохи, с развитием капиталистических отношений сходилась на нет, уступая место производственным отношениям новой эпохи. Так, по Закону 1903 г. «1. Фабричные, заводские и промысловые управления, с разрешения Присутствия по фабричному и горнозаводским делам, имеют право, по предварительном распределении рабочих заведений или промысла на разряды, предоставлять этим разрядам избирать из своей среды кандидатов в старосты. Из числа избранных по каждому разряду кандидатов управление предприятия утверждает одного старосту данного разряда» [14. С. 734]. Там, где прежде говорилось об «артельных» старостах, а позднее – о «партионных», теперь фигурировал «уполномоченный выбравшего его разряда» [14. С. 734]. Эволюция показательная, ибо до сих пор часто именно этот смысл и вкладывался в наименование группы рабочих на прииске «артелью» или «партией». Понятно, насколько отдалённое отношение это имеет к собственно артельной самоорганизации.

В.И. Семевский отмечал, что ещё с начала 1860-х гг. на собраниях золотопромышленников и в литературе появляются мнения о том, что только артельное устройство работ снимет напряжённость между хозяевами и рабочими (в частности, уменьшит побег). Однако, по сути, предлагалось, чтобы (как и прежде) рабочие на прииске заключали один контракт (речь идёт об общеконтрактных рабочих), но теперь ещё и с обязательным ручательством друг за друга. Это объединение называлось «артелью» [8. Т. I. С. 505], но очевидная подмена понятий здесь не могла не быть заме-

ченной. Так, например, при обсуждении этого вопроса Совет Главного Управления Восточной Сибирью в начале 1860-х гг. «считал возможным допустить, чтобы артели приисковых рабочих уплачивали за бежавших забранные ими деньги, но подобная ответственность возможна лишь в том случае, если артели будут составлены самими рабочими» [8. Т. I. С. 509]. Показательно, что в 1861 г. Комитет по пересмотру Горного устава при генерал-губернаторе Западной Сибири ставил в пример возможности «правильных» взаимоотношений в золотопромышленности рабочих из европейской части страны, обыкновенно нанимавшихся в Сибири самостоятельными артелями (с круговой порукой как неотъемлемой частью союза), т.е. как раз-таки собственно артелями «в смысле не случайно вписанных в один договор нескольких человек, а в смысле живого целого тела» [9. С. 175].

Небезынтересно привести следующее мнение того же комитета: «Артельное устройство допускается законом, и если золотопромышленники не пользуются в этом случае *своим правом*, то напрасно жаловаться, подобно автору записки, что это учреждение мало известно на сибирских промыслах» (курсив наш. – *И.Н.*) [8. Т. I. С. 510]. Речь шла о праве работодателя «разделять рабочих на артели», но так как это заключение было сделано при обсуждении введения круговой поруки в рабочих коллективах, то здесь были сделаны верные акценты. Попытки принудительного создания рабочих коллективов по образцу самоорганизованных артелей (со свойственными им обязательствами), чего и добивались золотопромышленники, действительно, заранее были обречены на неудачу, ибо не учитывали добровольность принятия их самими рабочими, навязывание же их было возможно лишь при административном нажиме, что, понятно, вызывало противодействие рабочих.

Само утверждение «артельных расправ» в качестве низового органа надзора и сохранения порядка в рабочих коллективах довольно странно для самоорганизованных трудовых коллективов, скорее его санкционирование имело смысл для рабочих отрядов, составленных принудительно. Любопытно, что, цитируя следующий текст договора 1880-х гг. в Алтайском округе: «если кто либо из устроенных нами самими при найме или в работах на прииске артелей окажется виновным в ослушании или в оскорблении заведывающих работами и не будет наказан артелью, то приисковое управление имеет право лишить артель, в которой

находится виновный, половины порции мяса, а также винных порций», – В.И. Семевский сам указывал на его оригинальность [8. Т. II. С. 120]. Думается, что это выглядело оригинальным ещё и потому, что такое собственно артельное устройство было редкостью.

Историк отмечал, что ещё «в контрактах 50-х годов артельная расправа не играет уже той видной роли, как прежде, и чувствуется усиление произвола приисковых управлений» [5. Т. I. С. 235]. Это в принципе соответствовало одному из магистральных путей эволюции сибирской золотопромышленности, по которому доля самоорганизованных коллективов (и значит, собственно артельных органов) сокращалась при росте обязательных общих хозяйских работ. Позднее (в 1870-х – начале 1890-х гг.) расправы порой являлись лишь «ширмой» для приискового произвола и, наличествуя на прииске, никакого практического применения не имели. А, вопреки указанию закона, на некоторых приисках они не учреждались вовсе, и рабочих за маловажные проступки открыто наказывала приисковая полиция (урядники, казаки). Причём, например, горный исправник Олёкминской системы утверждал в середине 1880-х гг., что сами рабочие не проявляли заинтересованности в учреждении этих расправ [8. Т. II. С. 438–441]. Последнее и не удивительно: вплоть до середины 1890-х гг. одна из основных целей учреждения «артелей/партий» на приисках формулировалась в центральном законодательстве так: «...для сохранения внутреннего порядка между рабочими». А от кого шла инициатива в учреждении этих расправ, красноречиво говорит следующее мнение общего присутствия областного якутского управления первой половины 1880-х гг. относительно точного смысла ст. 10 Правил о найме рабочих на сибирские золотые промыслы: «Для золотопромышленников не обязательно разделение своих приисковых рабочих на партии с учреждением партионных расправ, но лишь в интересах самих же золотопромышленников закон предоставляет им введение на приисках этого порядка» [8. Т. II. С. 440]. Везде рабочие выступают только как объект исполнения законодательных норм, а в этом смысле как раз органично использование именно слова «партия», так как ни о какой артельной самоорганизации рабочих здесь речи и не идёт.

Описывая договор общеконтрактных рабочих Алтайского округа 1877 г., В.И. Семевский цитирует весьма показательный текст оригинала: «В

договоре <...> рабочие обязывались прилично вести себя на дороге, не пьянствовать, слушаться партийного прикащика, в противном случае они подвергали себя «**артельной или полицейской расправе** тотчас же на месте сделанных проступков или по прибытии на прииск» (выделено нами. – *И.Н.*) [8. Т. II. С. 92].

Справедливо считать такие расправы и старост органической частью артельного коллектива и органами, призванными защищать его интересы? Во-первых, априорно артельными признать их нельзя, так как они, как и сам принудительно составленный коллектив, были санкционированы «сверху» (речь идёт об основной массе общеконтрактных рабочих). Во-вторых, в отечественном законодательстве вообще любое коллективное неповиновение рабочих приисковому управлению расценивалось как бунт, восстание против властей. Почти всегда говорилось именно о «неповиновении целой артелью» [1. С. 123; 8. Т. II. С. 245]. На самом деле, определённую подмену понятий замечали уже и современники [15].

«Нестыковки» между тем, что обозначалось словом «артель», и тем, что ею являлось «на деле», были понятны и в особой Комиссии при Министерстве финансов для пересмотра проекта устава о частной золотопромышленности в конце 1860-х гг., где смотрели на артели непредвзято (по крайней мере, в этом месте), замечая, между прочим, «что круговая порука несовместима с обязательным составлением артели, будучи возможна только при взаимном доверии членов артели; <...> к тому же путешествие артелями представляет такие значительные удобства для рабочих, что, без всякого сомнения, они, в большинстве случаев, будут составлять артели добровольно. Комиссия с своей стороны нашла, что <...> для следования свободных людей нет надобности в каких-либо особых правилах <...> комиссия решила, исключив лишь правила о круговой поруке, поставить ссыльно-поселенцам в обязанность следовать на прииски «партиями» (так как слово «артель» «не применимо к обществам, составляемым принудительно»)» [8. Т. I. С. 534]. Иными словами, высшая администрация подчёркивала разницу, которую и золотопромышленники, и исследователи отрасли часто предпочитали просто игнорировать.

Как видим, без критического отношения к источникам изучение артельной проблематики весь-

ма поверхностно, так как существенно искажает приисковую действительность. И хотя очевидно, что традиция артельной самоорганизации всегда предполагает наличие организационно регулирующих структур, но староста и расправы трудовых коллективов в капиталистическом производстве дореволюционной России, фигурирующие в текстах как «артельные», часто не могут быть признаны таковыми, и их, вероятно, следует рассматривать как своего рода историографический «штамп», так как в реальности это был административно-надзорный орган, навязанный рабочим извне. Представляется важным различать «артельного»/партийного старосту как должность на прииске (сторонний к рабочим «полицейский надзиратель», находившийся в одном ряду со служащим составом предприятия, представитель администрации прииска, назначаемый ли со стороны работодателя в партийную расправу, выбираемый ли рабочим коллективом для нужд продовольствия) и старосту как представителя-организатора собственно артельного союза. Поэтому, например, когда В.П. Зиновьев справедливо отмечает организующую роль «артельных старост» в стачках в сибирской горной промышленности [16. С. 34; 17; 18. С. 200], необходимо уточнить, были ли эти «вожди» частью реально существующего артельного коллектива.

Выше не ставилась цель показать, что любые сообщения об «артелях» в сибирской золотопромышленности не соответствовали действительности, а лишь рассматривались отдельные моменты приисковой жизни рабочих, которые принято некритически связывать с артельными традициями. Собственно артельные объединения в золотопромышленности действительно имели место, и ради исторической достоверности нельзя смешивать разнородные явления, изучая жизнь и быт приисковых рабочих.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007.
2. *Новиков И.А.* «Артель»: этимология слова и термин в русском дореволюционном законодательстве // Вестник Томского государственного университета. № 327. Октябрь 2009. Томск, 2009. С. 83–85.
3. *Новиков И.А.* Артель в России во второй половине XIX–XX в. К вопросу об определении термина // Вестник Томского государственного университета. История. № 4(8). Томск, 2009. С. 147–161.

4. *Новиков И.А.* Простое «объединение нескольких»? (к проблеме определения границ применимости термина «артель» для исследования традиций коллективного труда) // VI Чтения, посвященные памяти Р.Л. Яворского (1925-1995): Материалы Международной научной конференции. Новокузнецк, 2010. С. 212-221.
5. *Новиков И.А.* Артель как социокультурный феномен дореволюционной России (к проблеме определения границ применимости термина «артель» для исследования традиций коллективного труда второй половины XIX – начала XX века) // Исторический ежегодник. 2010: Сб. науч. статей. Новосибирск, 2010. С. 69–78.
6. *Зиновьев В.П.* Традиции артельного труда в Сибири в XIX – начале XX в. // Организация труда и трудовая этика. Древность. Средние века. Современность. М., 1993.
7. *Положение* о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири (30 апреля 1838 г.) [№ 11188] // Полное Собрание Законов Российской империи [далее – ПСЗРИ]. Собр. 2-е. Т. XIII. Отд. 1. СПб., 1839.
8. *Семевский В.И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898.
9. *Кривошапкин М.Ф.* Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865.
10. *Устав* Горный. Кн. IV. Разд. II. Гл. 6. Отд. 1. IV. Ст. 2500–2502 // Свод Законов Российской империи [далее – СЗРИ]. СПб., 1857. Т. VII.
11. *Правила* о найме рабочих на Сибирские золотые промыслы (24 мая (5 июня) 1870 г.) [№ 48400]. Ст. 10–11 // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLV. Отд. 1. СПб., 1874.
12. *Устав* о частной золотопромышленности (Приложение к ст. 110. прим. 2 – Правила о найме рабочих на Сибирские золотые промыслы) // СЗРИ. СПб., 1886. Т. VII.
13. *Устав* Горный. Кн. I. Разд. II. Гл. 6. Отд. 2 // СЗРИ. СПб., 1893. Т. VII.
14. *Закон* об учреждении старост в промышленных предприятиях (10 июня 1903 г.) [№ 23122] // ПСЗРИ. Т. XXIII. Отд. 1. СПб., 1905.
15. *Вагин* // Амур. 1860. № 34.
16. *Зиновьев В.П.* Артель в дореволюционной Сибири // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало XX вв.): Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.П. Толочко. Омск, 1994.
17. *Зиновьев В.П.* Кого везла «Фортуна»? // Земля верхнекетская: Сб. науч.-поп. очерков к 60-летию Верхнекетского района / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск, 1997. С. 357–358
18. *Зиновьев В.П.* Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. Томск, 2009.